

УДК 329(47)(091):930.1

*АА. Иванов, С.И. Кузнецов***К вопросу о пребывании ссылных поляков – участников Январского восстания в Иркутской губернии (1863–1883 гг.)**

В статье подробно рассмотрена отечественная и польская историография ссылки поляков в Сибирь, определены численность, структура, география размещения и виды деятельности участников Январского 1863 г. национально-освободительного восстания в сибирском регионе в целом и в Иркутской губернии в особенности. Авторы приходят к выводу, что ссылные поляки внесли заметный вклад в развитие ремесленных и промышленных производств Иркутской губернии, способствовали организации более культурного быта и отдыха сибиряков, разнообразили и обогатили общественную жизнь иркутян. Это влияние было обоюдным и взаимовыгодным: и поляки, в свою очередь, перенимали у сибиряков лучшие традиции их материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: поляки, Январское восстание, политическая ссылка, Сибирь, Иркутск второй половины XIX века.

*АА. Ivanov, S. I. Kuznetsov***To a question of stay of exiled of Poles – participants of the January revolt in the Irkutsk province (1863–1883)**

In article the domestic and Polish historiography of the exile of Poles to Siberia is in detail considered, the number, structure, geography of placement and kinds of activity of participants of January 1863 of a national liberation revolt in the Siberian region in general and in the Irkutsk province in particular are determined. Authors come to a conclusion that exiled Poles have made a noticeable contribution to development of handicraft and industrial productions of the Irkutsk province, the organizations of more cultural life and rest of Siberians promoted, diversified and have enriched public life of inhabitants of Irkutsk. This influence was mutual and mutually advantageous: and Poles, in turn, adopted the best traditions of their material and spiritual culture at Siberians.

Keywords: Poles, January revolt, political exile, Siberia, Irkutsk of the second half of the 19th century.

Проблема определения количества ссыльных поляков в отечественной и польской историографии. Определение численности поляков участников Январского восстания, высланных в 1863–1870-х гг. в Сибирь, и в Иркутскую губернию в том числе, – научная проблема, имеющая свою многолетнюю, а точнее, более чем полуторавековую историю. Первым ее исследователем с российской стороны по праву считается С.В. Максимов [1. С. 451]. В 1859 г. этот известный этнограф побывал на Дальнем Востоке для исследования территории по Амуру. На обратном пути ему было поручено составить обозрение сибирских тюрем и быта ссыльных, в результате чего появилась книга под названием «Тюрьма и ссыльные» (1871 г.). Сначала она была издана в качестве служебной записки тиражом всего 500 экземпляров, а затем в дополненном виде уже как «Сибирь и каторга» переиздавалась неоднократно, как в дооктябрьский, так и в советский период нашей истории*.

Труд С.В. Максимова представляет значительный интерес в качестве ценного и разнопланового источника по истории сибирской ссылки XVII–XIX вв. Книга содержит многочисленные фактические сведения, рассказы и свидетельства современников. Исторические анекдоты соседствуют здесь с официальной статистикой, анкетные данные – с отрывками из работ Е.Н. Анучина, неопубликованные архивные материалы – с личными впечатлениями автора – все, без чего не обойтись ни одному исследователю этой темы. Наконец, живой и увлекательный язык книги делает ее понятной, интересной и доступной любому современному читателю.

Легкость изложения не помешала С.В. Максиму поставить и по-своему решить несколько серьезных научных проблем в истории ссылки поляков в Сибирь, в том числе первым определить количественные, структурные и географические характеристики этого явления. В третьей главе своей книги «Политические и государственные преступники» автор делает это следующим образом: «С весны 1863 года ... по 20 декабря 1866

* Энциклопедический словарь. СПб.: Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург), 1896. Т. XVIII. Ст. 444–445.

года всего поступило в Сибирь, со включением и добровольно пришедших за ссылными жен и детей, 18 623 души обоого пола». Здесь же дана и динамика ссылки по годам: в 1863 г. – 524 человека, в 1864 г. – 10 649, в 1865 г. – 4671 и в 1866-ом – 2829 ссылных (между прочим, арифметическое сложение всех цифр дает нам несколько отличное от заявленного автором число в 18 673 человека) [2. С. 179].

Далее С.В. Максимов опять же первым обозначает и видовую структуру ссылки участников Январского восстания. По его подсчетам, из 18 623 поляков было отправлено на каторгу 3894 человека, на поселение – 2153, прислано на житье 2254, сослано для водворения 8491, добровольно пришли за ссылными 1830 членов семей (всего в сумме 18 622 – опять же, пусть небольшое, но расхождение с заявленным общим количеством). При этом автор устанавливает, что большая часть поляков была распределена в Западную Сибирь (10 407 человек), а меньшая – в Восточную (8199), «с той разницей, что в первую пришли с легкой виновностью, во вторую ушли приговоренные к самым тяжким наказаниям» [2. С. 180].

Итак, имеем 18 623 поляка, сосланных в Сибирь в 1863–1866 гг. за участие в Январском восстании. Каким образом Максимов получил эту цифру? К сожалению, автор не раскрывает своим читателям методику подсчетов, нет у него и ссылок на использованные источники, что, уже само по себе, заставляет несколько усомниться в достоверности результатов его исследований. При этом следует отметить, что на настоящий существенный недостаток трудов С.В. Максимова уже указывалось в отечественной историографии. Так, еще в 1898 г. известный историк русской литературы и критик А.М. Скабичевский, называя «Сибирь и каторгу» целой «эпопеей, в своем роде Илиадой и Одиссеей каторжной жизни», отмечал, что труд Максимова содержит весьма незначительное количество конкретных ссылок, работы же «предшественников» если и цитируются, то делается это столь «вольно», что читатель не может порой отличить, где авторский текст, а где иллюстрация чужой мысли. «К сожалению, – пишет Скабичевский, – Максимов редко извещает читателя, из каких источников взял он те или другие факты» [3. С. 717].

Как видим, замечание существенное. Между тем – и это для нас главное – оно было оставлено без внимания, а подсчеты

С.В. Максимова взяты на вооружение многими последующими исследователями этой темы и стали применяться ими без надлежащей критики, в качестве уже непогрешимого источника для построения своих научных концепций.

Одним из первых расчеты С.В. Максимова подхватил Дж. Кеннан. В 1906 г. в России впервые была издана его книга «Сибирь и ссылка». Ее документальной основой стали путевые очерки, написанные автором по поручению американского журнала «Century Magazine» во время путешествия через Сибирь в 1885–1886 годах. Рассказывая о тюрьмах Нерчинской системы, Кеннан пишет и о «тысячах польских повстанцев», сосланных сюда после 1863 г. Стремясь конкретизировать их численность, автор приводит целиком подсчеты Максимова – 18 623 человека в целом, из них 8199 – в Восточной Сибири [4. С. 408].

И в Советский период нашей истории к подсчетам С.В. Максимова относились без должной критики. Так, в 1932 г. в Сибирской Советской энциклопедии появилась статья М.М. Константинова «Каторга и ссылка в Сибири». Автор, сам бывший политический ссыльный, меньшевик, дает большой обобщающий материал об уголовной и политической ссылке в Сибирь со времен невольного пребывания в Братском остроге и Забайкалье протопопа Аввакума (1653–1663 гг.) до декрета Временного правительства в марте 1917 г., объявившего политическую амнистию всем заключенным революционерам и отменившего политическую ссылку, в том числе и сибирскую. Не обходит вниманием автор и историю ссыльных поляков в Сибири, в том числе и пребывание здесь участников Январского восстания. Говоря об этом времени, Константинов пишет: «Всего прибыло в Сибирь вместе с семьями в 1863 г. – 524 человека, в 1864 г. – 10 649, 1865 – 4671, 1866 – 2829. Из этого числа ушло на каторгу 3894 человека, на поселение 2153, на житье 2254 и для водворения 8491, добровольных – 1830» [5. С. 591]. Как видим, автор целиком заимствует данные С.В. Максимова.

В 1936 г. Ф.А. Кудрявцев в книге «Александровский централ», делая широкий экскурс в историю карательной системы России, указывает, что «первой наиболее значительной группой политических ссыльных были участники польского восстания 1863 года». И далее определяет количество высланных в целом для Сибири – «до 18 600 человек». При этом в Прибайкалье,

по его данным, «поляки отбывали каторгу в Александровском винокуренном заводе, Усть-Кутских и Усольских соляных варницах, Петровском железодельном заводе и рудниках Нерчинской каторги. До тысячи человек работали на постройке Кругобайкальского тракта» [6. С. 16–17].

Известно, что «Хрущевская оттепель» благотворно сказалась и на исторических исследованиях. В 1960-е годы советские историки, в том числе и сибирские, заметно расширили проблематику своих научных интересов, активно пересматривали отдельные положения и выводы, вводили в научный оборот новые, ранее недоступные источники. В этой связи заслуживает быть отмеченной особо книга Н.П. Митиной «Во глубине сибирских руд» (1966). Это первое монографическое исследование истории пребывания участников Январского восстания в Сибири, и в первую очередь, в Прибайкалье. Н.П. Митина, говоря о высланных из Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины за участие в восстании 1863–1864 гг. и опираясь на ведомости Министерства внутренних дел по 39 губерниям, называет уже 36 459 человек в целом подвергшихся репрессиям, однако для Западной и Восточной Сибири количество ссылных дает опять же ближе к Максиму – 18 606 человек [7. С. 11, 12].

Безраздельное господство подсчетов С.В. Максимова в отечественной историографии было нарушено иркутским историком С.Ф. Ковалем. В изданном в 1968 г. третьем томе «Истории Сибири», в параграфе «Политическая ссылка 60–80-х гг. XIX века», подготовленном этим ученым, встречаем иную значительно большую цифру «Январских поляков»: «Общее число ссылных повстанцев, – указано в тексте, – превышало в Сибири 22 000. Осужденные на каторгу почти все, за исключением 11 человек, были отправлены в Иркутскую губернию и Забайкальскую область. В Восточную Сибирь были сосланы наиболее активные участники восстания, принадлежавшие к направлению «красных»... [8. С. 114].

Казалось бы, с появлением данных С.Ф. Ковалю подсчеты С.В. Максимова должны отойти на второй план, потерять актуальность. Однако уже 1971 г. В.Н. Дворянов в своей монографии опять указывает знакомые цифры: «с 1863 по 1867 гг. в Тобольскую губернию, – пишет автор, – было сослано 4101, в Томскую – 6306, в Енисейскую – 3719, а в Иркутскую – 4424

польских повстанца», а всего, следовательно, 18 550 человек [9. С. 64, 65].

Наконец в 1976 г. у Л.П. Рощевской в статье «Последний осколок приказной системы» обосновывается другое, нежели у Максимова и Коваля, количество ссыльных участников Январского восстания: «Всего за 1864–1869, 1876–1894 гг., то есть почти за 30 лет, – пишет автор, – в Сибирь поступило через Приказ [Тобольский. – Авт.] 25 473 политических и государственных ссыльных. Из них – 23 056 повстанцев 1863–1864 гг.» [10. С. 207–208].

Постперестроечное время, к сожалению, мало что добавило к уже имеющимся в историографии количественным показателям участников Январского восстания, сосланным в Сибирь. Современные исследователи по-прежнему опираются на результаты поисков своих предшественников, имея в виду прежде всего С.В. Максимова. Так, западно-сибирский исследователь С.А. Мулина считает, что «в результате восстания в Сибирь было выслано около 20 тысяч поляков» [11. С. 496–509]. Похожие цифры встречаем и у С.В. Леончика: «более 22 тыс. поляков были осуждены и высланы в Сибирь ...» [12. С. 54].

Наконец в 2009 г. в Исторической энциклопедии Сибири, аккумулировавшей все наработанные за этот период результаты исследований, было сделано следующее заключение: «Численность репрессированных повстанцев, по официальным правительственным источникам, составляла около 18 тыс. чел. В общей сложности на каторгу, поселение, в воен. службу по суду, а также в административном порядке и под надзор властей до конца 1866 г. было сослано от 16 до 20 тысяч человек» [13. Стб. 645].

Как видим, отечественные историки, определяя количество ссыльных поляков в Сибири, сосланных за участие в Январском восстании, оперируют различными показателями, которые варьируются от 18 до 23 тыс. человек.

Ну, а каковы успехи польских ученых? Судя по имеющимся в нашем распоряжении опубликованным в России материалам, изучение этой проблемы началось в Польше с обретением независимости. В 1917 г. Бронислав Пилсудский в лекции, прочитанной в Польском доме в Лозанне под названием «Поляки в Сибири» указывал, что в течение 1863–1866 гг. в Сибирь

«пошли почти 20 тыс. чел., половина которых были людьми образованными. Из этого числа около 4 тыс. осудили на каторжные работы (на поселение с лишением прав около 2,5 тыс.), столько же – на временное поселение, около 2 тыс. семей добровольно пошли со ссылными. Около 10 тыс. осуждены на вечное поселение без лишения прав [14. С. 17].

Можно предположить, что цифра «почти 20 тыс. чел.» скорее всего, также заимствована у С.В. Максимова. В 1959 г. профессор Владыслав Евсевицкий, специально не занимаясь этой проблемой, сделал вывод, о том, что «число сосланных в Сибирь за участие в восстании 1863 г. вместе с большим количеством добровольных изгнанников – членов семей, не исключая детей, следует, пожалуй, округлить до 30 000 лиц» [1. С. 463]. В 1970-е гг. Хенрык Скок, подвергнув критике ставшую сакральной цифру в 18 тысяч поляков, высланных в Сибирь, обосновывает, опираясь на источники официального делопроизводства, новое для всей историографии число – 13 018 ссылных [1. С. 465].

Изучение сибирского периода жизни участников Январского восстания продолжалось и в новейший период польской истории. Наконец в 2002 г. был издан весьма содержательный сборник «Сибирь в истории и культуре польского народа», собравший на своих страницах все последние достижения российской и польской историографии. Однако и здесь помещены различные данные о количестве поляков. Так, София Стшижевская определила число ссылных за Январское восстание в 25 тыс. человек, [15. С. 128, 129], а Дорота Михалюк – в 38 тысяч [16. С. 118].

Д. Михалюк не единственный исследователь, апеллирующий столь значительными цифрами. Большинство современных польских историков в определении числа участников Январского восстания, наказанных ссылкой в Сибирь, сегодня склонны к значительному увеличению полученных когда-то итоговых цифр. Пример тому – последняя крупная публикация Виктории Сливовской о побегах поляков из Сибири, вышедшая совсем недавно, в 2014 г. Так, говоря о цене, которую Польша заплатила за независимость от России, автор указывает, что «картотека высланных после Январского восстания» насчитывающая «40 тысяч имён, ... безусловно, не охватывает всех репрессированных», эти данные, полагает автор, «бесспорно, занижены» и

речь идет о «первой в истории массовой депортации его участников вглубь империи» [17. С. 20]. Ян Зюлек, анализирувавший мемуарное наследие «сибирских поляков» периода 1860-х годов, обращает внимание на наличие в нем еще более значительных цифр – 80–100 тыс. ссыльных [18. С. 135].

Итак, историографический анализ отечественной и польской литературы заставляет нас сделать, по крайней мере, три обобщающих вывода. Прежде всего, очевидно, что и сегодня среди ученых не существует единого мнения о количестве участников Январского восстания, сосланных в Сибирь. Конечные данные их исследований существенно разнятся – от 18 до 23 тысяч – в отечественной историографии и от 13 до 100 тысяч человек – в польской. Такое расхождение – яркое свидетельство того, что настоящая научная проблема до сих пор далека от своего решения.

Во-вторых, значительная «разногласица» итоговых цифр – отражение весьма сложной (а нередко и противоречивой) источниковой базы проблемы. Ее квалифицированное прочтение требует объединения усилий, как польских, так и российских специалистов с целью скоординированного отдельного изучения с привлечением новых, ранее не вводимых в научный оборот материалов. Ну и в-третьих, установление подлинной численности участников Январского восстания могло бы значительно скорректировать некоторые обобщающие положения специалистов в области политической истории России и Польши второй половины XIX в. в целом.

Численность, структура, география размещения и характер занятости польской ссылки на территории Иркутской губернии.

Сколько поляков – участников Январского восстания было в пределах Иркутской губернии? Мы располагаем лишь отрывочными, далеко неполными сведениями. Так, за 1864 г. имеется ходатайство М.С. Корсакова в Петербург, к шефу жандармов о предоставлении кредита на постройку и исправление тюремных зданий в Нерчинском округе, из которого следует, что Иркутский генерал-губернатор рассчитывал на поступление гораздо меньшего количества ссыльных поляков («от 200 до 300»), «между тем политические преступники присылаются в Восточную Сибирь для употребления в каторжную работу гораздо в

большем числе, так, что по последним сведениям, по 23 ноября сего года, выслано их в г. Иркутск 1123 человек[а], ... из числа коих по неимению в готовности помещений на Нерчинских заводах отправлено: в Иркутский солеваренный завод 57 чел., в Петровский железодельный завод 95 чел., в Нерчинские заводы и рудники 653 чел. и содержится в Иркутском остроге 318 человек» [19. С. 114].

Далее имеется ведомость политическим преступникам, находящимся в селе Лиственничном в заведовании зауряд-сотника П. Попова на 3. 01. 1866 г., где указано 206 польских фамилий. В ведомости политических преступников, находящихся в работах при Петровском железодельном заводе за сентябрьскую треть 1865 г. – 160 польских имен. В работах на Троицком сользаводе – 90 поляков. Кондуитный список политическим преступникам, находящимся в Муравьевской гавани и в городе Сретенске – 177 поляков. В списке польских политических преступников, содержащихся в деревне Сиваковой (Сивяковой) – 903 человека. Итого 1536 по Иркутской губернии и Забайкальской области. Напротив каждой фамилии – отметка о поведении. В основном встречаются записи «поведения хорошего», но есть и пометки «дерзок» или «дурного поведения»*.

Из сведений о числе ссылных поляков в 1871–1872 гг. имеется справка в первое отделение ГУВС от 18 марта 1871 г.: «... в настоящее время всех ссылных мужчин находится в заводах: Иркутском солеваренном политических – 139, Николаевском железодельном – ?, Усть-Кутском политических – 1, в Александровском политических – 347, в городе Иркутске политических – 7; Нижнеудинске – ?, Балаганске политических – 1; в округах: Иркутском политических – 794; Нижнеудинском политических – 290; Балаганском политических – 1090; Киренском политических – 43 и Верхоленском политических – 66», а всего – 2778 человек**. Настоящую цифру, безусловно, неполную, можно, на наш взгляд, и принять за некий «верный ориентир» в установлении численности участников восстания в Польше, находившихся в пределах Иркутской губернии в начале 1870-х годов.

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 905. Л. 2–6 об., 11–14, 16–20, 89–107.

** Там же. Оп. Оц. Д. 66. Л. 12.

За вторую половину 1870-х гг. имеются сведения из отчета (опять же неполного), составленного Иркутской экспедицией о ссылке на 28 января 1876 г. Согласно документу, в Иркутском округе числилось 586 политических ссыльных поляков, в Нижнеудинском округе – 255, в Верхоленинском – 318, в Черемховской волости – 30, Яндинской – 5, Удинской волости – 210. Итого: 1404 человека*.

И в начале 1880-х на территории Иркутской губернии по-прежнему оставались участники Январского восстания 1863 г. Так, в именном списке ссыльных, «осужденных и высланных по бывшему польскому мятежу» и находящихся в Иркутской губернии на 1882 г., декабрь месяц, находим 205 фамилий**. Последние сведения о наших ссыльных на территории Иркутской губернии, которыми мы располагаем, относятся к 1883 г. В «Списке политических ссыльным Иркутского округа как не судившихся за убийства и истязания по мятежу 1863 года, подлежащим в силу 8 и 9 пунктов 14 ст. Всемилостивейшего манифеста от 15 мая 1883 года к освобождению от полицейского надзора» – 288 человек***.

Т. о., материалы, обнаруженные нами в фондах ГАИО и других источниках, свидетельствуют о следующем. Ссыльные участники Январского восстания поступали в пределы Иркутской губернии постепенно. Наименьшее количество ссыльных относится к ноябрю 1864 г. – 1123 человека. В 1871 г. зафиксировано наибольшее количество поляков – 2778, затем их численность начинает падать, и составляет в 1876 г. 1404 человека, наконец, к 1883 г. их остается от 200 до 300 человек. Настоящие подсчеты условны, так как не могут претендовать на полноту и исчерпывающий характер. Мы можем только предположить, что в целом за двадцатилетие 1863–1883 гг. в Иркутской губернии отбывало ссылку около 3 тыс. поляков – участников Январского восстания.

Интересно было бы определить общую численность ссыльных поляков на территории Иркутской губернии, ведь до «массовой ссылки 1863 г.» здесь уже были размещены участники освободительного движения 1830–1850-х годов. По амнистии

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 147. Л. 3–5, 8, 10.

** Там же. Оп. 5. Д. 125. Л. 305–322.

*** Там же. Ф. 90. Оп. 4. Д. 486 Л. 7.

1856 г. большая часть поляков покинула Сибирь, однако были и такие, кто по разным причинам остался, их количество можно обозначить опять же только по отрывочным данным.

Так, А. Гиллер в 1859 г. указывал, что польское население в Иркутске складывалось из политических изгнанников, чиновников, военных и сосланных за уголовные и полицейские преступления. Общее его число доходило до 150 человек. По мысли исследователя, «здесь особенно ощущалось отсутствие полек, так как женщины создают нравы, они являются душой и связующим звеном общества; стало быть, без них польская колония в Иркутске, не имея центра притяжения», жила «в разрозненности» [20. С. 623].

Так или иначе, за недостатком источников, остается опять же только предположить, что общее число польских ссыльных – настоящих и бывших, осевших на территории Иркутской губернии после окончания срока ссылки, в 1860–1870-х гг. может исчисляться в 3,5–4 тыс. человек.

Внушительная цифра, но в пользу наших предположений приведем фразу из книги профессора Виктории Сливовской, исследовавшей механизм формирования польской диаспоры в Сибири: «Всякий раз какая-то их часть оставалась навсегда в России: одни заводили семьи, другие находили доходное занятие, третьих не прельщала перспектива отрабатывать барщину в родном краю. В Сибири ведь не было крепостного права, а земли здесь было предостаточно. Кому-то просто не удалось вовремя уехать... Поэтому каждое очередное поколение польских ссыльных встречалось в местах изоляции – за и перед Уралом – со своими предшественниками из предыдущих десятилетий» [17. С. 30].

Массовое поступление поляков потребовало быстрой перестройки имевшихся структур управления «ссылочным делом» в Восточной Сибири. По всей видимости, уже в 1865–1866 гг. в Иркутске в ранге офицера, «состоящего при генерал-губернаторе для особых поручений» была учреждена должность «для надзора за политическими преступниками» (в чине подполковника или полковника) и три – при главном управлении «для устройства быта политических ссыльных» (подполковник, майор и

ротмистр)*. Эти офицеры осуществляли как надзор, так и контроль за размещением на территории губернии исключительно ссыльных поляков, прибывших по «Январскому мятежу», и, судя по памятным книжкам, данные должности существовали и в 1870, и 1873 году.

В ГАИО сохранился отчет одного из таких офицеров «для особых поручений» – подполковника Де Витте, командированного в феврале 1866 г. на Николаевский железодобывательный завод с целью «соображения на месте возможности к помещению в заводе возможно большего числа политических преступников, осужденных в каторжную работу взамен обыкновенных ссыльнокаторжных».

В рапорте Де Витте указывал, что по осмотру завода, оказалось, что для устройства работ с наличною командою и вольнонаемными рабочими, владелец завода господин Трапезников предполагает дать работу только ста ссыльным полякам. «Но как в настоящее время при заводе готовых помещений не имеется, а из числа существующих зданий, требуются значительные исправления, то одновременная присылка всего числа неудобна»**.

Де Витте докладывал, что Трапезников может приготовить к 1 мая 1866 г. помещение только для 25 человек, а затем, по мере переустройства, – для остальных 75. «Что же касается до вывода из завода находящихся в настоящее время обыкновенных ссыльных, то владелец находит неудобным, потому что все они в числе 137 человек, находятся на заводе довольно долгое время, к работам привыкли, многие из них (89 человек) обзавелись домами и хозяйством; заменить их новыми было бы для него убыточно, а для них разорительно».

При этом хозяин, соглашаясь разметить у себя поляков, выговорил и ряд условий. Трапезников принимал ссыльных:

а\ с правом отказаться от них и ранее 5 или 10 лет;

б\ с тем, чтобы плату и содержание получать им на равных с тем, что получают ныне;

* Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. Адрес-календарь. Иркутск: Издание Иркутского губернского статистического комитета, 1870. С. 6–7.

** ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 58. Л. 7.

в\ наблюдение за ссылными вверить особой воинской команде;

г\ провоз на завод, а равно наблюдение за ними должно быть отнесено за счет правительства*.

Применительно к большому количеству участников Январского восстания перестраивалась и деятельность Иркутской губернской экспедиции о ссылных. В ее штате появились дополнительные писари и даже чиновник, которому «за перевод польской корреспонденции, а также цензорование писем государственных преступников» полагалось достаточно солидное жалованье в размере 700 рублей в год**. Экспедиции удалось относительно хорошо наладить и отчетность о поляках. От всякого окружного пристава непременно «к 10 числу по истечении каждого месяца» требовались «верные сведения о числе политических ссылных», находящихся в уезде или волости. Каждое донесение обязательно заканчивалось оценкой обстановки: «проживающие по волости политические ссылные поведения и образа жизни хорошего, в политической неблагонадежности и в других политических проступках замечены не были; о проживающих же в разных местах по билетам и без оных, волостное правление объяснить ничего не может»***.

Масштабы ссылки поляков неуклонно возрастали. Тогда 8 января 1866 г. правительство приняло специальные «Правила по устройству быта политических ссылных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и Западных губерний». Правила предусматривали для поляков целый ряд серьезных ограничений в трудовой сфере и предпринимательстве. На месте поселения ссылным запрещалось заниматься воспитанием детей и преподаванием им наук, «искусств и мастерства»; иметь аптеки, фотографии, литографии; иметь занятия во всех правительственных учреждениях; заниматься торговлей вином, медицинской практикой, извозом. Уход на золотые прииски ограничивался для них обязательным «поручительством лиц, нанимающих их» и «разрешением исправника»****.

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 58. Л. 12.

** Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 379. Л. 5 об.

*** Там же. Ф. 90. Оп. 4. Д. 475. Л. 10, 11.

**** Там же. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 814. Л. 2–2 об.

Запрещения – серьезные, но не жестокие. Подобные, принятые на основе Устава о ссыльных 1822 года, действовали и для русских революционеров. Более того, учитывая хронический дефицит мастеровых и ремесленников в Прибайкалье, правительство пыталось использовать здесь ссыльных повстанцев и в качестве источника квалифицированной рабочей силы. Так, согласно Правил, «политические преступники в видах обеспечения экономического их быта распределялись по утверждению начальника губернии, применяясь к роду занятий каждого». Желавшие заняться в местах водворения земледелием, получали землю в надел, а владеющие рабочими специальностями могли водворяться «в казенные и все имеющиеся в губерниях частные заводы». Кроме этого «политическим преступникам, устроившим свое хозяйство», «могло быть дозволено, при хорошем их поведении, оставаться на местах водворения»*.

Ощутимый дефицит рабочих профессий заставлял власти всячески поощрять обустройство поляков в регионе и на постоянное жительство. Вот, например, список участников Январского восстания, изъявивших желание остаться после окончания срока ссылки, составленный в апреле 1873 г. В списке 54 фамилии, большинство «испрашивали разрешение» поселиться близ промышленных центров в Забайкалье: Артецкий Константин – мыловар – Верхнеудинск; Брудницкий Иван – колбасник – Верхнеудинск; Дрейзонтен Ян – пильщик – Петровский Завод; Жоховский Игнатий – мыловар – Верхнеудинск; Ковальский Николай – портной – Петровский Завод; Игначевский Иосиф – слесарь – Тарбагатайская волость; Молиенко Иосиф – сапожник – Петровский Завод; Прушинский Иосиф – сапожник – Петровский Завод; Синдер Нохейм – булочник – Петровский Завод**.

Как видим, в Прибайкалье старались остаться «простые» ссыльные поляки, люди рабочих профессий и бедняки-крестьяне. Шляхтичи из Речи Посполитой, а также родовитые помещики из Литвы и Белоруссии стремились скорее покинуть «холодную Сибирь». Следует сказать, что в этом в немалой степени им помогало и царское правительство, проявляя вполне понятную здесь сословную солидарность. Иначе не объяснить поистине беспрецедентных льгот, которые давались ссыльным участни-

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Д. 814. Л. 1.

** Там же. Л. 2 об.

кам Январского восстания в каждом Высочайшем манифесте, принимавшемся в России по случаю всевозможных торжеств, происходивших периодически в монаршем доме*.

Ссылные участники Январского восстания стремились сесть в Сибири компактно, образуя свои этнические колонии. На территории Иркутской губернии наиболее крупные поселения сформировались в 1860–1880-х гг. в Усолье, Иркутске, Балаганске, Нижнеудинске, Верхоленске, Тунке. Как видно из перечня населенных мест, поляки предпочитали южные, хорошо обжитые районы губернии, с относительно развитой промышленной инфраструктурой, с фабриками и заводами горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, на которых можно было найти работу.

Крупная колония ссылных поляков – участников Январского восстания сложилась в селе Усолье. В середине 1860-х гг. на Усольском заводе содержалось более 400 польских политических ссылных различных сословий и профессий. По данным Б.С. Шостаковича, среди них было немало известных врачей (хирурги Юзеф Лаговский и Вацлав Лясоцкий), инженеров (Леон Братыньский, Ян Хрыневский), натуралистов (Миколай Хартунг, Павел Экерт), художников (Александр Сохачевский, Кароль Станкевич), писателей, музыкантов, а также представителей столь дефицитных для Сибири «земных» профессий огородников, кондитеров, портных, сапожников, парикмахеров [21. С. 30].

Польские ссылные были хорошо организованы: здесь действовала касса взаимопомощи, был принят устав, избрано правление. Известно своей деятельностью, например, «Общество врачей Усолья», члены которого, в основном профессиональные медики, оказывали квалифицированную помощь не только соотечественникам, но и местным жителям. В начале 1870-х годов количество поляков – участников Январского восстания в Усолье значительно сократилось: в 1871 г. здесь отбывали нака-

* Амнистии и льготы, применявшиеся к ссылным полякам – участникам Январского восстания – тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи. Чтобы подчеркнуть их особый характер отметим лишь, что первый манифест, значительно ослаблявший режим пребывания в Сибири «знатым» «мятежникам», был принят уже 28 октября 1866 г. Его появлению не помешало даже восстание ссылных поляков на Кругобайкальском тракте, подавленное, как известно накануне, в июле 1866 г.

зание уже 137, в 1873 – 92, а в 1874 г. – 87 человек*. Режим содержания политических был, в общем-то, либеральным: «политики» работали не весь день, не носили кандалов, размещались в отдельной казарме или даже могли проживать в селе, снимая квартиры, пользовались правом свободного перемещения по территории завода, выходили на Московский тракт – встречать проходившие в Забайкалье этапы ссыльных товарищей.

Наиболее заметная польская колония существовала в этот период все-таки не в Усолье, а в Иркутске. По свидетельству Б. Дыбовского, прибывшего сюда в 1868 г., в городе уже было большое количество участников Январского восстания – ремесленников, портных, сапожников, столяров, золотых дел мастеров, жестянщиков, оружейников, кондитеров, содержателей кофеен, «даже нашелся первый книгоиздатель». Под управлением поляков «действовали фабрики спичек, изразцов и так далее. Была открыта торговля варшавской обувью, галантереей и одеждой. Даже извозчики и водовозы были поляками. Словом, – резюмирует автор, – Иркутск приобрел подобие города, тогда как до этого был неприглядный городишко» [22. С. 113].

По подсчетам М.Р. Новоселовой, в 1879 г. в Иркутске официально проживало 234 ссыльных поляка. Из них 55 занимались торговлей, 48 человек были «в услужении» – это сторожа, прислуга, повара, кучера и т. п. На эти профессии всегда сохранялся спрос, так как богатые поляки обычно пользовались услугами соотечественников. Не менее 30 ссыльных служили письмоводителями, 14 человек занимались извозом. Столяров насчитывалось 13 человек, были также слесари, токари, шорники, кузнецы и печники, пять кондитеров и три колбасника, пивовары и повара. В городе было не менее шести музыкантов и один танцмейстер, четверо врачей и один аптекарь, два фотографа и два ретушера, два художника, резчик печатей и переплетчик [23. С. 151–152].

Анализ губернской статистики привел М.Р. Новоселову к выводу о том, что доля поляков среди торговцев, письмоводителей, портных и сапожников, плотников и столяров города Иркутска была «в целом невелика», однако среди колбасников, садовников, врачей и аптекарей она доходила до 30–50 %. Кроме перечисленных профессий, бывшие ссыльные занимались разведкой

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 70. Л. 10; Д. 66. Л. 12; Д. 61. Л. 55.

и добычей золота, выполняли посреднические функции в торговле и банковском деле. По справедливому замечанию автора, несмотря на то, что «культурное влияние поляков на иркутских жителей не может быть охарактеризовано прямыми цифровыми показателями, но оно очевидно» [23. С. 153].

В ноябре 1875 г. иркутская врачебная управа, выполняя строгое предписание военного губернатора, сделала проверку «всем фармацевтам, работающим в вольных аптеках и Михеевской лечебнице города». Оказалось, что «значительное число» специалистов здесь «принадлежат к категории политических ссылных (т. е. поляков. – Авт.), получивших на основании Высочайших манифестов от 25 мая 1868 г. и 13 мая 1870 г. прежние права их состояния, но не освобожденных от надзора полиции». Проверяющими был составлен соответствующий список, в котором фигурировали: «помощники Гербст и Каминский, аптекарский ученик Богуславский, с давнего времени занимающиеся в аптеках», а также «Иван Домашевич, Орест Габель, Антон-Франц-Иван Красицкий, Рудзских, Викентий Василевский, Владислав Шиманский, Модриан Мегердир, Владислав Барановский, Август Донелло Пашковский, Петр Давид Баллод»*. Можно вполне обоснованно предположить, что результаты проверки остались для поляков без негативных последствий.

Кроме Усолья и Иркутска крупные колонии ссылных поляков по Январскому «мятежу» сложились в начале 1870-х гг. практически во всех уездных городах губернии, а также на Николаевском железоделательном заводе – 81 человек, Александровском винокуренном заводе – 96, в с. Тунка – не менее 150 и на строительстве Кругобайкальского колесного тракта – 700** (до июля 1866 г.).

Село Тунка – экономический и культурный центр Тункинской долины с населением в 2,5–3 тыс. человек, с несколькими перерабатывающими заводиками и почтовой станцией. С одной стороны, обладая сравнительно мягким климатом, Тунка была весьма притягательным центром для политических ссылных, с другой – удаленность села от городов и промышленных районов, делала ее весьма удобным местом для надежной изоляции государственных преступников. Вот почему еще в начале 1870-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–4

** Там же. Ф. 297. Оп.1. Д. 83. Л. 10, 18–20, 45–47.

х годов здесь сложилась самая большая в Иркутской губернии колония ссыльных польских священников.

По сведениям польских источников, первые священнослужители стали пребывать в Тунку в 1864 г. Это были священники Павел Краевский, Францишек Рогозинский и Ян Русецкий. В марте 1866 г. тункинская колония насчитывала 23 служителя, а в середине 1869 г. их было уже 145. Сосредоточение столь значительного количества польских священников в одном месте – свидетельство целенаправленной политики царского правительства по изоляции их как руководителей Январского восстания от рядовых участников освободительного движения.

За годы пребывания в Тунке ярко проявились лучшие черты ссыльных поляков – сила духа, стремление к самоорганизации и трудолюбие. Здесь ксендзы организовали кооператив по совместной обработке земли, кассу взаимопомощи, занимались скотоводством и рыболовством. В селе успешно работал небольшой свечной завод, мастерские по производству сигар, папирос и сладостей, которые «продавались с большим успехом даже в столице Иркутской губернии» [18. С. 143].

На сэкономленные средства были закуплены лекарства, медикаменты и создана аптека, услугами которой бесплатно пользовались и местные жители. Среди духовенства были и специалисты-портные, башмачники, столяры и пекари. С первых лет существования колонии здесь действовали принципы самоуправления: ссыльные избирали правление и старосту, которые защищали их интересы перед местными властями. Ежедневные проблемы обсуждались на общих собраниях, а для разрешения мелких конфликтов действовал специальный товарищеский суд [18. С. 143].

Всемиловнейшие манифесты приносили «облегчения» священникам в гораздо меньшей степени, чем шляхте. Тем не менее, к 1880-м годам тункинская колония поляков заметно поредела. Из донесения тункинской мирской избы господину иркутскому окружному исправнику видно, что к 30 июня 1883 г. здесь оставалось лишь пятеро священнослужителей, а также следовало, «что числящиеся политические под надзором полиции ссыльные из ксендзов, сосланные за польский мятеж, в какие-либо новые преступления не впадали»*.

* ГАИО. Ф. 90. Оп. 4. Д. 486 Л. 7.

Существенной особенностью польской политической ссылки этого периода был ее «текучий» характер, что объяснялось тем, что ссылные периодически занимались приисканием работы или более выгодного места службы. Вот, например, список политическим ссылным Уриковской волости на январь 1877 г. В нем 119 польских фамилий. Из этого числа проживало в Иркутске по «билету иркутского окружного исправника» – 89 человек, остальные работали на территории всей губернии и даже в Олекминском округе и Нерчинске, а в самом же Урике поляков практически не было. Та же картина имела место и в Оёкской волости: в январе 1877 г. здесь числился 91 ссылный поляк, однако на месте причисления был 31, а 57 – уволены по билетам. В Тельминской волости из 62 поляков 17 отсутствовали по билетам, а 23 – «отлучились самовольно». Такая «текучесть» существенно затрудняла учетную работу Иркутской экспедиции осылных, и создавала значительные трудности для гласного полицейского надзора*.

Местные жители охотно нанимали политических ссылных на службу: «политики» были грамотны, вели дела честно, были обязательными и исполнительными, да и «стоили», что немаловажно, значительно меньше сибирских чиновников. В качестве подтверждения нашего тезиса, приведем строки из письма П.Д. Баллода, отбывшего каторгу в Александровском заводе, А.С. Фаминину от 3 июля 1870 г.: «Пишу Вам это письмо из Посольска, куда меня нелегкая принесла из Верхнеудинска больного. И сию я здесь третью неделю и ожидаю, когда придет сюда какое-нибудь судно или пароход и увезет меня через Байкал. Когда я выезжал из Александровского завода, то мне предлагали несколько мест купцы и разные предприниматели с порядочным содержанием, и даже один бурят, у которого я покупал скот, сказал мне: “Друг, оставайся здесь, я тебе дам 3 руб. в месяц жалованья и просто 500 быков, и ты торгуй, как знаешь”» [24. С. 217–218].

Если русский политический ссылный рвался из Сибири в Европейскую Россию, рассматривая ссылку как жестокое, но все же временное удаление из привычной среды, то «простые» поляки на месте поселения нередко быстро пускали прочные корни – брали ссуды, обзаводились добротной усадьбой, домаш-

* ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 474. Л. 2–12, 23, 32.

ним скотом, активно искали занятия своим способностям. Здесь они создавали новые семьи, а по большей части «выписывали» «старые», растили детей, занимались предпринимательством, делали служебную или научную карьеру.

Нередко ссыльные поляки – участники Январского восстания столь крепко прикипали к сибирской земле, обзаводились хозяйством, что не могли все это сразу бросить и немедленно вернуться на родину. Вот, например, показательное прошение Ф. Далевского Н.П. Дитмару, написанное после «высочайшего соизволения» от 25 мая 1868 г. об облегчении участи ссыльных поляков: «Так как я, имея свою мыловарню и для obsługi ея лошадей и быков, принужден был сделать запас на зиму, а именно сена и дров, которые я закупил у окрестных жителей, то покорнейше прошу, Ваше превосходительство, оставить меня на поселение в Забайкальской области. Ежели бы это было возможным, то оставить меня, по крайней мере, на один год» [24. С. 213].

Анализ имеющихся в нашем распоряжении свидетельств современников раскрывает заметную роль ссыльных участников Январского восстания в самых разнообразных сферах материальной и духовной жизни сибиряков 1860–1880-х годов. При этом следует подчеркнуть, что процесс проникновения культур и традиций двух народов был, несомненно, обоюдным и взаимным. Сами поляки-ссыльные оценивали сибирский период своей жизни по-разному, однако, согласно исследованиям М. Яника, абсолютное большинство мемуаристов констатировали положительное влияние Сибири на их духовную культуру и отношения друг к другу. Суровые природные и материальные условия заставляли забывать о существовании социального неравенства, порождали стремление к взаимопомощи, к созданию землячеств, общественных денежных фондов и касс. «Если у кого-то до этого таились предрассудки родового или общественного характера, – говорит Яник, – то он убеждался в их искусственности и внутренней лживости, воочию прозревал и начинал видеть в ближнем равного себе человека, настолько лишь отличного, насколько отличался он личными достоинствами и силой характера»* [25. Р. 400].

* Здесь и далее перевод Б.С. Шостаковича.

Укрепление нравственности, – по мысли одного из авторов, цитируемых М. Яником, – сопровождалось и накоплением умственного материала». «Сибирь расширила горизонт знаний», даже «простаки», отбывший сибирское изгнание, становился человеком интеллигентным. Здесь организовывались научные курсы, разные лекции, беседы, обмен книгами. Благодаря сибирской ссылке, «поляки стали намного духовно, нравственно и умственно богаче» [25. Р. 401].

Сделаем краткие выводы. Приведенный нами фактический материал свидетельствует о том, что история пребывания участников Январского восстания в сибирской ссылке – сложная и актуальная научная проблема, которая требует комплексного всестороннего исследования. До настоящего времени в этой обширнейшей теме имеются слабоизученные стороны, одной из которых является установление подлинной численности ссылных поляков в Сибири в 1863–1883-х годах.

Анализ имеющихся исторических источников позволяет сделать вывод о том, что ссылка польских «мятежников» имела и сложную структуру. Среди ссылных были каторжане, сосланные на поселение по решению суда и вышедшие на оное после отбытия каторжных работ, а также высланные на жительство и водворение. Наказанию каторжными работами и ссылкой на поселение подвергались наиболее деятельные участники восстания, его организаторы и активные исполнители. Политическая ссылка в Сибирь вообще, и поляков в том числе, не отменяла классовых и сословных привилегий, «знатный» и материально обеспеченный ссылный переносил тяготы невольного пребывания в Сибири гораздо легче ссылного из мещанского или крестьянского сословия.

Пребывание в ссылке участников Январского 1863 г. восстания регулировалось особыми Правилами, а также несколькими законодательными актами, направленными на обеспечение более эффективной деятельности по организации надзора и размещению контингента ссылных. Поляки-каторжане отбывали наказание на солеваренных и горнодобывающих предприятиях Иркутской губернии и Забайкальской области (Нерчинская система), а поселенцы размещались в уездных городах и селах, расположенных в южных районах губернии среди старожильческого крестьянского населения. На местах поселения поляки

образовывали колонии, стремились к созданию касс взаимопомощи, совместных кооперативов и артелей. Немалая часть поляков, окончив формальные сроки ссылки, приписалась к сельским обществам и оставалась в Сибири.

Местные власти стремились использовать знания и производственные навыки поляков. Ссылные участники Январского восстания внесли заметный вклад в развитие ремесленных и промышленных производств Иркутской губернии, способствовали организации более культурного быта и отдыха сибиряков, разнообразили и обогатили общественную жизнь иркутян. Это влияние было обоюдным и взаимовыгодным: и поляки, в свою очередь, перенимали у сибиряков лучшие традиции их материальной и духовной культуры.

Список источников и литературы

1. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М.: МИК, 2015.
2. Максимов С.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Сибирь и каторга: Части II–IV; Примечания. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
3. Скабичевский А.М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Русская мысль. 1898. Кн. IX–X. С. 685–746.
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб.: Издание В. Врублевского, 1906.
5. Константинов М.М. Каторга и ссылка в Сибири // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2. М.: Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. С. 575–622.
6. Кудрявцев Ф.А. Александровский централ. Иркутск: Типография ОГИЗа треста «Полиграфкнига», 1936.
7. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссылных на Кругобайкальском тракте. М.: Изд-во «Наука», 1966.
8. История Сибири. Том третий: Сибирь в эпоху капитализма. Ленинград: «Наука» Ленинградское отделение, 1968.
9. Дворянов В.Н. В Сибирской дальней стороне...(Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск: Изд-во «Наука и техника», 1971.
10. Рощевская Л.П. Последний осколок приказной системы // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 203–208.
11. Мулина С.А. Участники Польского восстания 1863 г. в Сибири: проблемы адаптации. В кн.: Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева/ под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
12. Леончик С. Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002. С. 52–58.
13. Оплаканская Р.В., Савин А.И., Туманик Е.Н., Шостакович Б.С. Поляки. В кн.: Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. Стб. 644–649.

14. Пилсудский Б. Поляки в Сибири. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002. С. 13–30.

15. Стпижевская С. Ссылные участники Январского восстания. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002. С. 124–134.

16. Михалюк Д. Участники манифестации 1861 г. и Январского (1863 г.) восстания на Гродненщине – ссыльные в Сибирь. В кн.: Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов международной научной конференции (Иркутск, 11–15 сентября 2000 г.). Иркутск: Изд-во областной юношеской библиотеки, 2001. С. 117–119.

17. Сливовская В. Побег из Сибири: Пер. с польск. СПб.: Алетейя, 2014. (Серия «Польско-сибирская библиотека»).

18. Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания. В кн.: Сибирь в истории и культуре польского народа: Пер с пол. М.: «Ладомир», 2002. С. 135–145.

19. Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1846–1874). В кн.: Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Вып. 10. С. 101–122.

20. Гиллер А. В редакцию «Слова» (письмо из Иркутска). В кн.: Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / Публ., сост., перевод, вступл., предисл., коммент. Б.С. Шостаковича. Иркутск: «Артиздат», 2009. С. 619–627.

21. Шостакович Б. Польская «Усолиада» // Земля Иркутская. 2000. № 13. С. 29–33.

22. Дыбовский Б. Дневник доктора Бенедикта Дыбовского, начатый с 1862 года до 1878 года. В кн.: Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука; Сиб. издательская фирма РАН, 2000. С. 103–168.

23. Новоселова М.Р. Влияние повстанцев 1863 г. на развитие хозяйства и культуры Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В кн.: Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: Материалы Международной научной конференции (Иркутск, 26–30 сентября 2007 г.) / под ред. Б.С. Шостаковича. Иркутск: «Мегапринт», 2008. С. 149–156.

24. История Сибири. Первоисточники. Вып. II: Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1. Новосибирск, 1993.

25. Janik M. Dzieje Polakow na Syberji. Krakow, 1928.